

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-1-27>

УДК 340

Attribution

cc by

ПРОТИВОРЕЧИЯ И ВЫЗОВЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
КОРРУПЦИОННЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ: АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ НАКАЗАНИЙ

Чесебиева К.Ю.

Кубанский государственный университет

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ современного состояния уголовно-правового регулирования ответственности за коррупционные преступления в Российской Федерации. На основе изучения научных публикаций, данных судебной и правоприменительной практики за период 2018–2024 гг. выявлены системные противоречия и парадоксы действующей системы наказаний. Ключевыми проблемами признаются: доминирование неэффективных с точки зрения сдерживающего эффекта штрафов, фактическое отсутствие конфискации имущества как полноценной меры уголовной ответственности, а также чрезмерно мягкая судебная практика, не соответствующая высокой общественной опасности коррупционных деяний. В статье обосновывается необходимость кардинального реформирования санкций за коррупционные преступления, включая восстановление конфискации имущества в качестве дополнительного наказания, отказ от штрафа как основного наказания за тяжкие коррупционные преступления и повышение доли реального лишения свободы.

Ключевые слова: коррупционные преступления, наказание, эффективность наказания, конфискация имущества, штраф, судебная статистика, уголовная политика, парадоксы законодательства.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

CONTRADICTIONS AND CHALLENGES IN CRIMINAL LAW COUNTERACTION
TO CORRUPTION CRIMES: AN ANALYSIS OF PUNISHMENT EFFECTIVENESS

Ksenia Yu. Chesebieva

Kuban State University

Abstract. This article provides a comprehensive analysis of the current state of criminal law regulation of liability for corruption offenses in the Russian Federation. Based on a review of scientific publications, judicial data, and law enforcement practice for the period 2018–2024, systemic contradictions and paradoxes of the current punishment system are identified. Key problems are recognized: the prevalence of fines, which are ineffective in terms of deterrence, the virtual absence of confiscation of property as a meaningful measure of criminal liability, and an excessively lenient judicial practice that does not correspond to the high social danger of corruption. The article substantiates the need for a fundamental reform of sanctions for corruption offenses, including the reinstatement of confiscation of property as an additional penalty, the elimination of fines as the primary punishment for serious corruption offenses, and an increase in the proportion of actual prison sentences.

Key words: corruption crimes, punishment, effectiveness of punishment, confiscation of property, fine, judicial statistics, criminal policy, paradoxes of legislation.

Funding: Independent work.

Введение.

Борьба с коррупцией, признанной стратегической угрозой национальной безопасности, остается одним из приоритетов государственной политики Российской Федерации.

Уголовно-правовые средства играют одну из фундаментальных ролей в этой борьбе, призванные не только карать виновных, но и оказывать превентивное воздействие. Однако, как демонстрируют данные многочисленных исследований, современная система наказаний за коррупционные преступления переживает глубокий кризис, характеризующийся внутренними противоречиями и низкой эффективностью [1, с. 24].

Целью данной статьи является систематизация и анализ ключевых проблем, выявленных в научной литературе и подтвержденных эмпирическими данными, а также формулировка предложений по реформированию карательного уголовно-правового инструментария.

Обсуждение.

Анализ современных публикаций, а также действующего законодательства позволяет выделить несколько фундаментальных противоречий (парадоксов) в регулировании ответственности за коррупционные преступления.

Как нам представляется, первым из парадоксов является парадокс отмены конфискации имущества.

Наиболее значимым нам представляется противоречие, связанное с исключением конфискации имущества из системы уголовных наказаний в 2003 году (ФЗ №162-ФЗ), идея возврата конфискации имущества как вида наказания не является абсолютно новой, в современной уголовно-правовой литературе критикуются исключение конфискации имущества из видов наказания [10 с. 4].

Как отмечают С.С. Босхолов и В.Г. Татаринков, это решение, мотивированное «гуманизмом», было принято вопреки международной практике и здравому смыслу, лишив государство одного из наиболее действенных инструментов борьбы с корыстной и коррупционной преступностью [1, с. 69].

Последующее введение в УК РФ главы 15¹ о конфискации как иной меры уголовно-правового характера не решило проблему. Данная норма позволяет изымать лишь имущество, непосредственно полученное в результате преступления, что на практике приводит к крайне низким показателям применения (около 4-9% по делам о взяточничестве) и позволяет коррупционерам сохранять нажитое имущество, стоимость которого может многократно превышать размер взятки [1, с. 71; 11]. Хотя стоит отметить особенность, предусмотренную ч. 3 ст. 104¹ УК РФ, которая предоставляет возможность изъятия имущества, которое было передано осужденным третьим лицам, что расширяет ее применение; однако эта позиция критикуется В.С. Лысенко, который полагает, что сформулированный подход относительно допустимости конфискации имущества, не принадлежащего осужденному, является нарушением права собственности лица, в силу соблюдения норм УК РФ не являющегося субъектом уголовно-правовых отношений, и, как следствие, находится за рамками действия уголовного закона [10, с. 20].

Следующие противоречие – парадокс стимулирующей санкции. Исследователи едины во мнении, что доминирование штрафа в качестве основного наказания за тяжкие и особо тяжкие коррупционные преступления (вплоть до получения взятки в особо крупном размере) является принципиальной ошибкой [1, с. 76]. Штраф, особенно кратный, не только обладает низким сдерживающим эффектом, но и фактически создает для коррупционера легальную возможность «откупиться» от лишения свободы [5, с. 68-69; 4]. Это противоречит принципу справедливости и снижает превентивный потенциал наказания, формируя в обществе ощущение безнаказанности.

Парадокс несоответствия опасности и строгости. Сравнение санкций советского периода и современного УК РФ выявляет тенденцию к либерализации, в подтверждении данного тезиса А.А. Иванова приводит пример о том, что в 80-е годы прошлого столетия врач-терапевт был приговорен к 10 годам лишения свободы за выдачу за вознаграждение в 10 рублей листов о нетрудоспособности, то в 2018 году участковый врач-терапевт решением суда приговорен к штрафу в

сумме 90 тыс. руб. за выписку листа нетрудоспособности при отсутствии заболевания за 2 000 руб. [5, с. 68].

Если ранее за опасные коррупционные преступления (взятки) в санкции на первом месте стояло лишение свободы, то сейчас – штраф [1, с. 75]. При этом реальное лишение свободы назначается лишь 14-17% осужденных за коррупцию, преимущественно на небольшие сроки до пяти лет лишения свободы [5, с. 66; 4].

Такая практика неадекватна системной угрозе, которую представляет коррупция, и декларациям о ее искоренении в стратегических документах [5, с. 69].

Данные судебной статистики и криминологических исследований подтверждают теоретические выводы о неэффективности системы наказаний за коррупционные преступления, среди которых можно выделить.

Доминирование мягких наказаний. Так за период 2016–2022 гг. штраф составлял 44-50% всех основных наказаний за коррупционные преступления, условное осуждение – около 25-32%, а реальное лишение свободы – лишь каждое шестой либо седьмой осужденный [5; 11]; однако следует отметить, что, начиная с 2024 года, отмечается тенденция ужесточения наказаний за коррупционные преступления, как представляется это связано с активизацией практики вменения группы лиц либо преступления предусмотренного ст. 210 УК РФ по совокупности с коррупционными преступлениями.

Вместе с тем, такие виды наказаний, как арест и принудительные работы, судами практически не назначаются.

Показательным является пример Китая, где наряду с длительными сроками лишения свободы и высшей мерой наказания за совершение коррупционных преступлений, в том числе и в сфере государственного заказа, китайские правоохранители активно применяют институт конфискации имущества [10, с. 73].

Низкая эффективность штрафов. Данный вид наказания, как известно, является самым мягким видом наказания, который существенного влияния на осужденного не оказывает, однако проблема не только в сдерживающем эффекте, но и в его исполнении.

По данным Я.Ю. Васильевой, в 2011 г. не исполнялось до 63,6% штрафов, а суды вынуждены были рассматривать вопросы их замены лишением свободы [4].

Сложность взыскания кратных штрафов демонстрируют громкие дела (например, бывшего губернатора Н. Белых) [4].

В специальной литературе существует позиция, согласно которой, штраф в качестве наказания для лиц, совершающих преступления из корыстных побуждений нецелесообразно избирать [7, с. 132]; исследователи полагают, что штраф детерминирует новое коррупционное преступление, для возмещения имущественных лишений, понесенных осужденным [3].

При всем этом следует отметить, что ключевым принципом наказания является его неотвратимость, а не суровость. Однако существующая практика назначения штрафов, кратных сумме взятки, этот принцип зачастую нарушает.

У осужденного возникает дилемма: либо заплатить штраф и остаться ни с чем, при этом рискуя быть обвиненным в легализации преступных доходов, либо сохранить преступно нажитые активы и допустить замену наказания. Так как выплата такого штрафа сама может быть квалифицирована как отдельное преступление, о добровольном исполнении приговора речи не идёт, что сводит его превентивный эффект к нулю.

Исследователи отмечают, что действенной альтернативой штрафам выступает новый вид наказания – принудительные работы в силу его экономической и социальной сущности (ст. 53¹ УК РФ). Однако фактическая реализация такого вида наказания, как «принудительные работы» осложнено из-за целого ряда проблем социально-экономического и организационного характера [3].

Высокая латентность и «бытовая» коррупция, значительную долю в структуре коррупционной преступности (около 37 - 41% зарегистрированных преступлений, связанных со взяточничеством) занимает мелкое взяточничество (ст. 291² УК РФ) [8, с. 75]. Анализ судебной практики показывает, что основная масса дел по неоконченному мелкому взяточничеству связана с попытками дачи взятки сотрудникам полиции для избежания административной ответственности, что указывает на высокую латентность коррупции в иных сферах [8, с. 79].

Восприятие наказания осужденными. Криминологические опросы показывают, что почти половина осужденных (49,8%) считают назначенное им наказание несправедливым, а принцип гуманизма, по их мнению, соблюдался лишь в 24% случаев [5, с. 64]. При этом 47,4% рассчитывали на безнаказанность, а в случае ответственности – именно на штраф [5, с. 68].

На основе выявленных противоречий можно предложить комплекс взаимосвязанных мер:

- восстановление конфискации имущества в качестве дополнительного вида уголовного наказания (в Общей части УК РФ) за тяжкие и особо тяжкие преступления корыстной и коррупционной направленности, с обязательным ее назначением за особо тяжкие преступления [1, с. 76; 5, с. 70], что позволит реализовать принцип неотвратимости лишения преступных доходов и оказать действенное сдерживающее воздействие;

- реформа системы санкций за коррупционные преступления (за наиболее опасные коррупционные

преступления (тяжкие и особо тяжкие) в качестве основного наказания должно предусматриваться лишение свободы; необходимо отказаться от установления штрафа в качестве основного наказания в санкциях за такие преступления; штраф должен выступать в качестве обязательного дополнительного наказания или как основное – только за преступления небольшой и средней тяжести; альтернативные санкции должны включать виды наказаний, схожие по степени правоограничений (например, лишение свободы или принудительные работы), но не штраф как альтернативу изоляции от общества [1, с. 76]);

- ужесточение практики назначения наказаний, искоренение практики о назначения наказаний ниже низшего предела, изменение категории тяжести на одну, неприменения обязательных дополнительных наказаний и расширение применения реального лишения свободы и принудительных работ [11; 6];

- дифференциация ответственности за мелкое взяточничество, введение в ст. 291² УК РФ квалифицирующих признаков (совершение группой лиц) для усиления ответственности и противодействия «бытовой» коррупции [8, с. 80];

- совершенствование механизма исполнения штрафов, активное использование ареста имущества на стадии расследования для обеспечения исполнения приговора и неотвратимость замены неисполненного штрафа лишением свободы [4].

Заключение.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что современная уголовная политика в сфере противодействия коррупции носит противоречивый и во многом декларативный характер. Действующая система наказаний, в которой доминируют экономические меры (штрафы) при фактическом отсутствии действенной конфискации, не способна адекватно реагировать на высокую общественную опасность и корыстную мотивацию коррупционных преступлений. Сложившаяся мягкая судебная практика подрывает принципы справедливости и неотвратимости ответственности, снижает сдерживающий эффект уголовного закона и дискредитирует усилия государства в глазах общества.

Необходима консолидированная позиция законодателя, правоприменителей и научного сообщества для проведения глубокой реформы. Ее ядром должно стать восстановление карательно-восстановительного потенциала уголовного права через возвращение конфискации имущества и пересмотр системы санкций в сторону существенного ужесточения наказаний за тяжкие коррупционные деяния.

Только комплексный и жесткий уголовно-правовой ответ, подкрепленный неотвратимостью наказания, может стать действенным инструментом в борьбе с системной коррупционной угрозой.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан.	None declared.
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Список источников:

1. Босхолов С.С., Татаринков В.Г. Парадоксы законодательного регулирования уголовной ответственности за преступления коррупционной направленности // Пролог: журнал о праве. - 2020. - № 1. - С. 66-78.
2. Бугаевская Н.В. Гуманизация уголовно-исполнительной политики в сфере борьбы с коррупцией // Уголовно-исполнительное право. 2016. №4 (26). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gumanizatsiya-ugolovno-ispolnitelnoy-politiki-v-sfere-borby-s-korrupsiyey> (дата обращения: 10.12.2025). EDN: XHSJKR
3. Бугаевская Н.В. Назначение наказания в виде штрафа, кратного сумме взятки, как отражение антикоррупционной политики в новых финансово-экономических условиях // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2014. №2-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/naznachenie-nakazaniya-v-vide-shtrafa-kratnogo-summe-vzyatki-kak-otrazhenie-antikorrupcionnoy-politiki-v-novyh-finansovo> (дата обращения: 10.12.2025). EDN: SJUYKN
4. Васильева Я.Ю. Актуальные проблемы назначения и исполнения кратного штрафа по делам о коррупционных преступлениях // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. №6. - С. 100-103. DOI: 10.23672/n0545-3216-0681-s EDN: VTSZPO
5. Иванова А.А. Эффективность уголовного наказания за коррупционные преступления // Lex russica. - 2022. - Т. 75. - № 6. - С. 59-73. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.187.6.059-073 EDN: PRFVYA
6. Клейменов М.П., Клейменов И.М., Пустович Р.В. Практика назначения наказания за коррупционные преступления // Правоприменение. - 2018. - Т. 2. - № 2. - С. 70-79. DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(2).70-79 EDN: XZBJUD
7. Криминология: учебник / под ред. В. Д. Малкова. М., 2011. 544 с.
8. Лавринов В.В., Сеймовский Д.Ю. Применение наказания за отдельные неоконченные преступления коррупционной направленности // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. - 2024. - № 2(55). - С. 72-81. EDN: OKRMED
9. Любый И.А. Уголовно-правовые меры противодействия злоупотреблениям в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2022. 225 с. EDN: PYBZHP
10. Лысенко В.С. Институт иных мер уголовно-правового характера: теоретические, законодательные и правоприменительные аспекты: автореф. дис.... канд. юрид. наук: 5.1.4. - Краснодар, 2025. - 24 с.
11. Накусова Ф.А. Эффективность применения наказаний за преступления коррупционной направленности // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. - 2023. - № 4(53). - С. 59-65. EDN: HNBQPJ

References:

1. Bosholov S.S., Tatarinkov V.G. Paradoxes of legislative regulation of criminal liability for corruption-related crimes // Prologue: Journal of Law. 2020. No. 1. pp. 66-78.
2. Bugaevskaya N.V. Humanization of penal enforcement policy in the field of combating corruption // Penal Enforcement law. 2016. No.4 (26). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gumanizatsiya-ugolovno-ispolnitelnoy-politiki-v-sfere-borby-s-korrupsiyey> (date of request: 10.12.2025). EDN: XHSJKR
3. Bugaevskaya N.V. The imposition of punishment in the form of a fine, a multiple of the amount of a bribe, as a reflection of anti-corruption policy in the new financial and economic conditions // Izvestiya TulSU. Economic and legal sciences. 2014. No.2-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/naznachenie-nakazaniya-v-vide-shtrafa-kratnogo-summe-vzyatki-kak-otrazhenie-antikorrupcionnoy-politiki-v-novyh-finansovo> (date of request: 10.12.2025). EDN: SJUYKN
4. Vasilyeva Ya.Yu. Actual problems of assigning and executing multiple fines in cases of corruption crimes // Humanities, socio-economic and social sciences. 2020. No. 6. pp. 100-103. DOI: 10.23672/n0545-3216-0681-s EDN: VTSZPO
5. Ivanova A.A. The effectiveness of criminal punishment for corruption crimes // Lex russica. - 2022. - Vol. 75. - No. 6. - pp. 59-73. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.187.6.059-073 EDN: PRFVYA
6. Kleimenov M.P., Kleimenov I.M., Pustovich R.V. The practice of sentencing for corruption crimes // Law enforcement. - 2018. - Vol. 2. - No. 2. - pp. 70-79. DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(2).70-79 EDN: XZBJUD
7. Criminology: textbook / edited by V. D. Malkov, Moscow, 2011. 544 p.
8. Lavrinov V.V., Seimovsky D.Yu. The use of punishment for certain unfinished crimes of corruption // Academic Bulletin of the Rostov Branch of the Russian Customs Academy. - 2024. - № 2(55). - Pp. 72-81. EDN: OKRMED
9. Lyuby I.A. Criminal law measures to counter abuse in the field of procurement of goods, works, and services to meet state and municipal needs: dis. ... kand. jurid. sciences'. Omsk, 2022. 225 p. EDN: PYBZHP
10. Lysenko V.S. Institute of other criminal law measures: theoretical, legislative and law enforcement aspects: abstract of the dissertation of the Candidate. jurid. Sciences: 5.1.4. - Krasnodar, 2025. - 24 p.
11. Nakusova F.A. The effectiveness of punishments for corruption-related crimes // Academic Bulletin of the Rostov Branch of the Russian Customs Academy. - 2023. - № 4(53). - Pp. 59-65. EDN: HNBQPJ

Информация об авторе:

Чесебиева Ксения Юрьевна, соискатель кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова, Кубанский государственный университет. Chesebieva@mail.ru
Ksenia Yu. Chesebieva, PhD candidate at the Department of Criminal Law and Criminology, A.A. Khmyrov Faculty of Law, Kuban State University.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 28.12.2025;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 13.01.2026;
Принята к публикации / Accepted for publication 20.01.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.